

РОМАНЫ

АНГЕЛ СМЕРТИ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

1

Было так жарко, что окна на ночь остались открытыми. По саду носился июльский ветер, поднимал сухой песок, шумел в листьях деревьев, хлопал ставнями. Люке сквозь сон казалось, что это дождь стучит по крыше. Она на минуту открывала глаза. Занавески бились по ветру, как два черных крыла. Люка вздыхала и проваливалась в сон. Влажные волосы прилипли ко лбу. Ей было жарко, томно и душно. Она широко раскидывала руки и снова открывала глаза. Маленькая круглая розовая луна катилась сквозь тучи, как детский мячик. Темные крылья бились у окна. И где-то совсем близко, у самого сада, у самой постели, у самого сердца, торжественно и тревожно шумело море.

Море? Откуда? Ведь здесь никакого моря нет. Но волны шумели все нежней, все тревожней...

Как грустно. Как хорошо. Подушка мокра от слез. Никогда еще не было такой странной, такой печальной ночи. Люка протягивает руку, пьет воду. И снова луна, и шумные крылья, и море, и запутанные, душные сны...

...Серый, бледный рассвет. Из открытого окна тянет холодом. Небо почти белое. С листьев бесшумно падает роса. Кусты роз слабо белеют. От земли поднимается туман. В небе летят туманные облака.

Люка ежится, хочет натянуть выше простыню, но трудно шевельнуться. Она лежит тихо, не двигаясь. Как странно, как таинственно все вокруг. И сад, и комната. Голубое платье беспомощно свисает со стула. Чулки, как змеи, свернулись на коврике. У соседней стены на кровати спит Вера. Рот полуоткрыт, дыхания не слышно. Она кажется мертвой. Из-под красного одеяла высунулась маленькая нога, и нога тоже кажется мертвой.

Люка лежит не шевелясь. Никогда ей еще не было так грустно. В груди легкая, холодная дрожь и такая пустота, такая слабость...

Листья блестят от росы. Розы тихо колышутся. Калитка скрипит. За белым туманом не видно, кто вошел в сад, только песок шуршит под ногами. Люка вытягивает шею. Вот он уже под елями. Арсений?.. Да, это он. На нем серый костюм. Лицо его печально. Черные глаза смотрят рассеянно. Черные волосы гладко причесаны.

И за плечами огромные черные крылья... Он медленно идет по саду и, не останавливаясь, не оборачиваясь, поднимается на террасу, входит в дом...

«Арсений Николаевич», — хочет крикнуть Люка, но голоса нет.

Деревья слабо раскачиваются. С листьев бесшумно падает роса. Только сад, только небо, только тишина...

Холодный ветер влетает в комнату, шевелит занавески. Что это было?.. Что?..

Тихо, совсем тихо, и веки уже снова опускаются. Ничего, ничего не было. Только туман... Только сон...

Когда Люка наконец совсем просыпается, за окнами обыкновенное солнечное утро.

Надо вставать. Люка вскакивает, сбрасывает рубашку на коврик.

— Мама, — вдруг вскрикивает она, — мама.

Дверь открывается. Вбегает Екатерина Львовна:

— Люка, что случилось?..

— Мама, — кричит Люка, — я больна, я страшно больна.

— Что, что с тобой?

— Я больна, я умираю, мама.

Люка показывает дрожащей рукой на простыню:

— Видишь, я умираю.

Екатерина Львовна целует ее мокрые щеки.

— Я умираю. Я умираю.

— Да нет же, нет. Просто ты теперь взрослая, моя маленькая Люка.

Вера просыпается, потягивается, садится на постель.

— Чего ты опять шумишь, Люка? Никогда выспаться не дашь.

— Я больна, Вера. Я умираю.

Вера смотрит с недоумением на сестру и на мать, потом громко смеется, качая растрепанной головой:

— Глупая ты, Люка. Ах какая глупая. И когда ты поумнеешь?..

Екатерина Львовна поправляет подушку, гладит Люку по голове:

— Ну, до свиданья, моя большая дочка. Ты лежи тихо до завтрака. Если можешь, поспи. Я скоро вернусь. Принесу тебе конфет.

Вера пожимает плечами:

— Что же, теперь каждый месяц именины справлять будете?

Вера похожа на самоеда в халате с капюшоном.

— Скоро ли ты, мама? У меня в семь ванна. Мы опоздаем...

Дверь за ними закрывается. Люка одна. Она лежит на спине и смотрит в окно. В окне видны два больших белых куста роз, ели и голубое небо. Старый садовник в соломенной шляпе и длинном полосатом переднике подстригает розы большими ножницами. По дороге пробегает рыжая хозяйская собака. Люка поднимает голову, чтобы увидеть пруд, он там сейчас за елями. Но пруда не видно, а встать она боится. Она лежит, прислушиваясь к тому новому, что происходит в ней. В груди какая-то особенная легкость. Встать бы, побежать туда за пруд по широкой дороге. Взобраться на самую высокую гору, ту, с водопадом...

Но встать страшно. Такой она чувствует себя хрупкой. Упадет, разобьется, как чайная чашка. Руки неподвижно вытянуты на красном одеяле, не надо даже пальцами шевелить. Колени плотно сдвинуты. Мама сказала: лежи тихо. И еще мама сказала, что Люка взрослая. Взрослая... Значит, кончено детство. Что ж, и слава богу. Не жалко. Это все выдумки про «золотое детство».

Там, в России, дом был большой и старый. За окнами лежал белый сверкающий снег, от него даже вечером было светло в комнатах. Люка садилась в зале на холодный скользкий пол. Подвески на люстре тихо звенели; темные пустые зеркала поблескивали, а за окном в морозном небе гуляла луна со звездами, как курица с цыплятами. Люке было страшно. Она крепче прижималась к черной холодной ноге рояля. А вдруг и рояль враг и сейчас хлопнет крышкой, откроет рот и оскалит на нее все свои большие зубы. Дверь в столовую открыта. Над столом висит лампа, добрая, уютная. Висит себе и спокойно пьет керосин. Теплый желтый круг ложится на скатерть. За столом мама читает книгу. Так просто встать, побежать туда. Но Люка сидит в темноте, дрожа от страха, и не откликается, даже когда ее зовут.

Люка никому не доверяла. Большие, они хитрые, от них не жди добра. Да и вещи тоже почти все хитрые и злые. Потом стало легче. Когда она поняла, что ни кофейник, ни часы не могут, даже если очень захотят, сделать ей зла.

А мама говорила: «Люка сорванец, храбрая, веселая. Ей бы мальчиком родиться...»

Люка осторожно вздыхает, осторожно поворачивается на бок.
«Как хорошо быть взрослой... Как хорошо быть влюбленной...
Арсений...»

2

Вера прихорашивается перед зеркалом:

— Люка, посмотри. Не торчит ли чехол?

Из-под Вериного кружевного платья сзади выглядывает смешной розовый хвостик. Люка прекрасно видит его, но скажи только Вере, начнет подшивать, переодеваться. Через час тогда не выбраться из дому.

— Нет, не торчит.

Люка старательно завязывает большой бант. Волосы короткие, бант плохо держится. Она осторожно поворачивается, чтобы бант не упал.

— Ты чего держишь голову, как цирковая лошадь. Кажется, опять моей пудрой напудрилась?

— Нет, что ты. Честное слово...

Люка быстро вытирает щеки и нос. Но Вере уже не до нее. Вера надевает шляпу.

— Какая ты хорошенькая, — льстит Люка.

Вера довольна.

— Ну, идем. Мама, ты готова?

Екатерина Львовна входит в новом сиреневом платье. Люка бьет в ладоши:

— Ах, как красиво.

Екатерина Львовна робко улыбается:

— Хорошо, Верочка?

Вера холодно осматривает мать:

— Да, хотя... я говорила, что лучше бы лиловое. Слишком молодое.

Екатерина Львовна смущается:

— Я покупала материю вечером. Она при свете почти лиловая.

— И коротко опять.

— Ты находишь, Верочка? Можно выпустить. Рубец широкий.

Люка краснеет от обиды за мать:

— Неправда, мама, неправда. Не верь. Просто она завидует.

Екатерина Львовна тоже краснеет:

— Люка, перестань, глупости.

Вера пожимает плечами:

— Что же, идем мы или нет?..

Они садятся в парке за столик. Музыка гремит. Женщины в белых и розовых платьях издали похожи на кусты цветов, над ними, как бабочки, мелькают маленькие пестрые зонтики.

Люка осторожно и высоко держит голову, чтобы бант не упал. И от этого, она чувствует, у нее очень серьезный вид. Так и надо. Ведь она теперь взрослая. Вера, щурясь, осматривает гуляющих.

— Как жарко, — говорит она раздраженно.

Люка оглядывается:

— Арсений Николаевич.

От быстрого поворота головы бант танцует на ее волосах.

Вера с деланным равнодушием размешивает сахар в чашке.

— Не оборачивайся. Сколько раз говорили тебе.

Арсений Николаевич пробирается к ним. Его черные гладкие волосы блестят как лакированные. Длинные ноги в белых туфлях ступают широко и уверенно.

Люкино сердце громко бьется, и от каждого его удара подпрыгивает бант на голове.

Арсений Николаевич садится за их столик. Он спокойно улыбается:

— Ну вот, через три дня я уезжаю.

— Уже?.. — Люка роняет ложку. Кусок вишневого мороженого падает на белое платье.

Вера подносит чашку к губам. Пальцы ее немного дрожат. Сейчас глотнет кофе и поперхнется. Но она ставит чашку обратно на блюдечко и смотрит на Арсения из-под полей розовой шляпы и длинных подкрашенных ресниц.

— Уже?.. — спрашивает она тихо и улыбается. — Как жаль...

С музыки домой в пансион, как всегда, возвращались вместе. Впереди Вера с Арсением. Сзади Люка с матерью.

Счастливая Вера, она идет рядом с Арсением, слушает, что он говорит. Из-под розовой шляпы виден кусок Вериной щеки и подстриженный затылок. Верина рука в белой перчатке теребит оборку платья. Противная Вера. И за что ей такое счастье? Она и не ценит вовсе.

— Как ты вытянулась, — озабоченно говорит Екатерина Львовна. — Неужели тебе придется новое пальто шить?.. Надо будет по-

пробовать, нельзя ли рукава и подол надставить. А то откуда денег напасться...

Люка не отвечает, даже не слышит. Она смотрит на Арсения, на его блестящие черные волосы, на его серый пиджак. На песке дорожки, влажном после поливки, отчетливо отпечатываются следы его белых туфель. Люка ставит ногу на его след. В горле что-то бьется, как пойманная птица. Во рту солоноватый вкус, и трудно дышать. На Люкином языке это называется «сердце в горле». Это бывало и раньше, но только от слез. А от радости в первый раз. Люка останавливается, хватая Екатерину Львовну за руку:

— Мама, ах, мамочка... Слушай...

— Если надштуковать синим бархатом, будет совсем не так плохо. Как тебе кажется?

— Да, да. Бархатом. Непременно бархатом, — кричит Люка, прыгая на одной ноге. Бант, окончательно оторвавшись, падает на землю.

— Люка, ты ведь большая. Люди видят. Пора тебе помнить...

На лестнице прощаются. Арсений живет во втором этаже, они в первом.

— До свиданья, до вечера.

Дверь закрывается. Они дома.

Вера бросает шляпу на стол. Люка подхватывает ее:

— На стол нельзя. Денег не будет.

Вера вырывает шляпу из Люкиных пальцев:

— Не смей трогать, — и поворачивается к ней спиной.

Люка хочет обнять сестру:

— Не злись.

Вера топает ногой:

— Убирайся, слышишь.

Екатерина Львовна удивленно смотрит на нее:

— Вера, чего ты сердиться?..

— А что, прикажешь ты мне радоваться?..

Вера снимает платье, садится на кровать, сбрасывает туфли.

— Опять дырка на пятке.

— Но что с тобой, Вера? — спрашивает Екатерина Львовна.

— Что? — кричит Вера. — Ты еще спрашиваешь что? Посмотри на себя в зеркало, тогда и поймешь.

Глаза Екатерины Львовны становятся круглыми, брови высоко поднимаются.

— Что ты говоришь, Вера, я не понимаю...

— Не понимаешь? На кого ты похожа? Волосы стриженные, намазанная. Шляпа как у девочки, платье до колен. Разве так выглядит мать взрослой дочери?..

— Но, Верочка, ведь мне только тридцать девять лет. Рано мне рядиться старухой. И ты сама знаешь, что же я в жизни видела? В деревне. Вы с Люкой вечно хворали. Папа...

— Да, папа. Ты бы хоть помнила, что папу большевики расстреляли.

Екатерина Львовна беспомощно взмахивает руками:

— Вера, как ты можешь?.. Разве я не чту папиной памяти?

— Ты... Ты мешаешь мне выйти замуж. Вот что.

— Я? Я мешаю тебе?

По щекам Екатерины Львовны текут слезы.

— А зачем тебе, Вера, собственно говоря, замуж выходить, раз папу большевики расстреляли? — спрашивает Люка.

— Люка, не мешайся не в свое дело. Иди играть в сад, — строго говорит Екатерина Львовна.

Люка послушно выходит из комнаты, но дверь снова открывается.

— Старая дева, — кричит Люка и убегает со всех ног по коридору. Но погони нет. Вера занята объяснением с матерью.

— Да, да, ты мешаешь мне выйти замуж. За кого нас троим могут принять? И еще эта обезьяна Люка со своим бантом. А когда ты на балу, ты танцуешь больше меня, ты отбиваешь моих ухаживателей.

— Вера, как ты несправедлива. Господи. А я жила только для вас...

Екатерина Львовна плачет, лицо ее становится жалким и старым.

— Господи, — всхлипывает она.

Вера сидит на кровати, устало и зло теребя подвязку.

— Надоело. Перестань, пожалуйста. Не хочешь мне помогать и не надо.

Екатерина Львовна вытирает глаза:

— Что же я могу... И если бы все так нервничали. Ведь я тоже была молодой.

— Да. Но у тебя было приданое.

— Чем же я виновата, что большевики...

— Никто и не винит тебя, только не мешай.

— Хорошо, Верочка. Не сердись, — говорит Екатерина Львовна примирительно. — Я постараюсь, вот увидишь. В Париже.

Но Вера трясет головой:

— Нет, не в Париже. Здесь.

— Здесь. Зачем же? Какие здесь женихи. Дюшель?.. Но французы не женятся без денег. Больше никого нет.

Вера краснеет:

— Как никого? А Арсений Николаевич?..

— Этот?.. — Екатерина Львовна кривит губы. — Какой это муж?..

— Почему не муж?

— Если ты серьезно... Ведь мы даже толком не знаем, кто он. Я слышала про него... Я не могу тебе повторить...

— Нет, скажи. Скажи сейчас же.

— Ну хорошо. Ты не волнуйся так. Он столько тратит, нигде не служит. Мне говорили. У него в Париже... Какая-то старая американка...

Вера сжимает кулаки:

— Замолчи. Не смей повторять. Это ложь, ложь!..

Екатерина Львовна испуганно смотрит на дочь:

— Вера... Неужели ты?..

Вера вдруг обхватывает худыми голыми руками шею матери, прячет лицо на ее груди. Слезы текут, смывая краску с ресниц, и падают бурными пятнами на сиреневый шелк.

— Да, да, да... Я люблю его, — всхлипывает Вера. — Я люблю его, и, если он не женится на мне, я умру.

3

Вера отправилась с Арсением покупать туфли к балу. Люку не взяли, оттого что Люка мешает. И на бал Люку тоже не возьмут, оттого что Люка мешает.

Был туманный, ветреный день. Люка тихо шла вокруг пруда. На желтый песок дорожки выползла большая черная улитка. Люка подняла ее и положила на траву.

— Глупая, куда забралась? Тебя тут раздавят. Живи себе на здоровье...

Вот улитка ползет, и ни о чем не думает, и не знает, как трудно быть женщиной. Люка вздохнула. Ах, совсем уж не так весело быть взрослой... Совсем не так хорошо быть влюбленной. Арсений уезжает через два дня...

На скамейке сидит седая дама, жена доктора Барто, и вяжет на спицах красный безобразный шарф. Люка хочет пройти незамеченной, но мадам Барто зовет ее:

— Сядьте ко мне. — Мадам Барто гладит Люкины светлые волосы. — Какая вы хорошенькая.

Люка морщится. Ведь она не болонка, чтобы ее гладили.

— Расскажите мне про Россию.

— Я ничего не помню о России.

— Но все-таки. Вы ведь русская.

— Не помню, я была маленькая, когда мы уехали.

— Так ничего и не помните?.. Хоть что-нибудь. Меня очень интересует ваша несчастная родина.

Люка пожимает плечами:

— Зимой в России холодно, а летом жарко и много цветов.

— Ну еще, еще... А Петербург?..

Но Люка трясет головой:

— Я не помню.

— Что же, идите, упрямая девочка. Раз вы ничего не хотите рассказывать. — У мадам Барто обиженный вид. — Идите играть.

Люка вскакивает. Слава богу, отпустила. И зачем пристаёт?

Люка идет дальше, мимо пруда под темными качающимися елями. Она не любит вспоминать о России. Помнит ли она? Разве можно забыть?.. Так больно. Так грустно... Но об этом нельзя рассказывать глупой, чужой женщине. Люке и без того тяжело сегодня, а тут еще...

Она останавливается, смотрит на низкое облачное небо, на сонную воду.

Петербург... Разве можно забыть?.. Петербург... И закрывает глаза.

...Белый, чистый, сияющий снег. Все белое, и все сияет. Улицы, крыши домов, воздух. А небо ярко-синее, и в нем огромное морозное розовое солнце. По широким, прямым снежным улицам летят рысачи под малиновыми и голубыми сетками. «Берегись!» — кричат румяные кучера. В маленьких легких санках сидят дамы в собольих, в горностаевых шубках. Красные розы лежат на их коленях. Красные губы улыбаются, большие темные глаза смотрят рассеянно и мечтательно.

По тротуару проходят офицеры, волоча сабли и звеня шпорами. Высокие, красивые, стройные. Над их медными сияющими касками развеваются конские хвосты. Солнце играет на их золотых погонах.

И Люка тоже летит в узких санках вниз по широкой снежной улице, вдыхая морозный сияющий воздух, сладкий запах роз и тетиных духов.

— Хорошо тебе, Люка? Не холодно?

Серые большие глаза приближаются к ней, теплые руки обнимают ее. Снег комьями летит из-под копыт. Ветер свистит в ушах. Вниз по широкой улице, туда, на гранитную набережную.

— Это Нева, — говорит тетя. — Это Нева, Люка.

Люка хочет ответить, но не может от удивления, от счастья.

— Это Нева...

Солнце сияет, сияет гранит, сияет прозрачный голубой лед. И по голубому льду скользят маленькие легкие эльфы. На ногах у них серебряные коньки. Они танцуют, порхают, кружатся, держась за руки, и вдруг разбегаются во все стороны. Они смеются, серебряные колокольчики звенят, поют скрипки.

Санки останавливаются. Тетя берет Люку за руку. И вот они на голубом льду. К ним подлетают эльфы, окружают их, что-то говорят. Но серебряные колокольчики громко звенят, и ничего нельзя разобрать. Темноглазый тоненький эльф в треуголке сажает Люку на стул с серебряными полозьями, и Люка несется с ним по голубому льду. Все быстрее и быстрее. Она слышит его дыханье и, обернувшись, видит его темные, блестящие, веселые глаза. Ей страшно и блаженно. Куда они несутся?.. Куда?.. Может быть, в прорубь, может быть, в рай...

Но она уже опять с тетей в узких санках, и снег комьями летит из-под копыт рысака.

— Весело тебе было, Люка? — И опять запах роз и духов и теплые руки.

А вечером Люка стоит посреди огромного, ярко освещенного зала. На ней белое платье, волосы завиты локонами. И кругом эльфы, те самые, что скользили по голубому льду, но теперь на них уже нет серебряных коньков. Но серебряные колокольчики все еще звенят. Эльфы кружатся по паркету, и Люка с ними. Она танцует с темноглазым эльфом. Он улыбается ей, берет ее за руку, уводит из зала. Они идут по темному коридору. Ей опять страшно. Куда он ведет ее?.. Куда?.. Но эльф молчит. Он толкает дверь. Они в комнате, полной цветов. Цветы на столах, на полу, всюду. Как светло, как тепло. И птицы поют, маленькие красные и желтые птицы. Эльф сажает Люку рядом с собой на низкий диван.

— Как вас зовут? — спрашивает он.

— Люка, — отвечает она тихо.

— А меня Арсений.

— Арсений, — повторяет (она) еще тише.

Он обнимает ее:

— Я люблю вас, Люка.

Птицы громко поют. Из зала доносится звон серебряных колокольчиков. Она видит только его темные блестящие глаза, его темные блестящие волосы.

— Я женюсь нас вас, Люка, когда вы будете большой. Не забудьте: меня зовут Арсений. И вы должны меня ждать...

...Ветер качает ели. В пруду тускло поблескивает вода. Люка идет дальше.

А может быть, этого и не было и она сама все выдумала. Но ведь она уже встретила Арсения. И он, конечно, узнал ее. Он пока молчит, и она тоже молчит. Но теперь уже скоро. Надо только спокойно ждать...

Люка выходит на гимнастическую площадку. На трапеции сидит рыжий Рене, сын мадам Барто.

— А вы так не умеете, — кричит он Люке, поддразнивая ее. — Вы трусиха, вы девчонка.

— Это вы мне?.. — Люка презрительно пожимает плечами. — Я вам сейчас покажу, как я не умею. — Она подвертывает юбку, взбирается по лестнице. — Вот, смотрите.

От влюбленности, от грусти Люка чувствует себя особенно храброй и ловкой. Веревки трещат. Весело и чуть-чуть страшно. Оборвешься, полетишь вниз, и конец...

Она раскачивается на трапеции. Дама с собачкой смотрит на нее в лорнетку.

— Какая грациозная, — говорит она мужу, — какая смелая.

У Рене вытягивается лицо.

— Это еще ничего не значит. Вы все-таки девчонка.

— Ах, ничего не значит? А так?

Верхушки елей мелькают перед глазами, зеленая земля качается внизу. Люка становится во весь рост на трапецию и, высоко раскачавшись, взмахнув руками, с криком бросается вниз головой.

Люка висит, зацепившись за трапецию одной ногой, и громко смеется:

— Что, можете вы так?

И побежденный Рене аплодирует. Аплодирует и дама. А Люка уже сидит на трапеции и раскланивается во все стороны.

Калитка скрипит. Это Вера возвращается с Арсением. Хорошо, что он видел. Вера подбегает:

— Люка, сумасшедшая, шею сломаешь. Слезай.

— Сейчас. — Люка насмешливо дрыгает ногами. — Еще немножко поупражняюсь.

Но Вера сердится:

— Людмила, слезай, слышишь.

Делать нечего. Люка съезжает по скользкому столбу.

— Довольно представления давать, — насмешливо говорит Вера. — Подумаешь, какая «царица воздуха».

Люка кротко смотрит на сестру:

— Напрасно ты мне мешаешь, Верочка. Если я замуж не выйду, то поступлю в цирк и буду хлеб зарабатывать. Это лучше, чем женихов ловить. Вот и ты могла бы...

Но Вера перебивает ее:

— Люка, у тебя опять грязные уши. Пойди вымой сейчас же.

На столе лежат шесть толстых конвертов. Екатерина Львовна надписывает последний. У Екатерины Львовны еще с институтских лет страсть к переписке.

— Ну, — спрашивает она Веру, — купила?

Вера развязывает пакет, поднимает крышку коробки:

— Вот, — и торжественно вынимает розовые шелковые туфли.

— Ах, какие прелестные, — вскрикивает Люка, — какие чудные.

Покажи, покажи.

Но Вера уже закрывает коробку:

— А тебе что, не твои.

Люка обижается:

— Что, я их съем, что ли. Покажи.

Вера ставит коробку на стол:

— Не покажу. Отстань.

Екатерина Львовна собирает со стола конверты.

— Туфли действительно прелестные. Ты их вечером увидишь на Вере, Люка.

Люка обнимает мать:

— А меня возьмут на бал? Мне ужасно хочется.

Екатерина Львовна смотрит на Веру:

— Как ты думаешь. Может быть, взять ее? Она будет тихо сидеть. Обещаешь, Люка?

Вера сердито двигает стулом.

— Или она, или я. Иди с ней, я останусь. Еще не хватало целым выводком выезжать. Всех возрастов, на все вкусы...

— Я танцую не хуже тебя, напрасно ты важничаешь.

— Во-первых, ты танцуешь, как слон, во-вторых, все равно не пойдешь, не волнуйся. И не мешай мне читать.

— И правда, ты еще слишком мала, Люка. Я лучше завтра сведу тебя в кинематограф. — Екатерина Львовна гладит Люку по щеке.

— Обещаешь, а потом обманешь.

— Нет, завтра же, непременно.

Но Люка не верит:

— Дай вперед деньги на билеты.

Екатерина Львовна достает из сумочки десять франков. Люка прячет их под ключ. Если теперь надует, все-таки не так обидно.

Внизу в холле глухо и протяжно бьют в гонг. Екатерина Львовна встает:

— Надо сегодня пораньше пообедать, чтобы тебе не спешить одеваться, Вера.

— Идите, — говорит Люка, — я только платье переодену, а то это мятое. Суп не успеете съесть, как я приду.

Вера открывает дверь:

— И что за кокетство? Не возись долго, ждать тебя не будем.

4

— Вера, можно мне помочь тебе?

Вера удивленно смотрит на сестру:

— Странная ты, Люка. То дерзишь, а то такая услужливая. Ну хорошо. Посиди тихо, пока я буду мыться.

Для Люки в детстве было праздником, когда мама одевалась на бал.

Люка садилась в большое кресло в угол и смотрела во все глаза.

В маминой спальне горели три лампы, пахло совсем особенно: духами, пудрой, жжеными волосами. Всюду кружева, ленты, цветы. На кровати бархатное темно-красное платье, длинный хвост его, как хвост дракона, извивался на ковре. И тут же, рядом с драконьим хвостом, как две маленькие испуганные птицы, бронзовые туфельки.

Мама, в шуршащей нижней юбке, с голыми белыми плечами, бегала от туалета к шкафу и обратно, высоко поднимала руки, подпиливала длинную косу. Горничная в белом переднике грела щипцы на спиртовке. Голубое пламя подпрыгивало, щипцы краснели. Мама волновалась, просыпала пудру на ковер. Люка дышала все ровнее и ровнее, веки слипались, она засыпала...

...Вода шумно бежит из никелированного крана. Вера в одной рубашке, нагнувшись над умывальником, мылит плечи, шею, трет уши. Белая пена падает хлопьями на пол. Вера вытирается мохнатым полотенцем. Потом садится перед туалетом причесываться. Долго приглаживает волосы, льет вежеталь на голову, озабоченно смотрит в зеркало.

Люка следит за ней из угла:

— Мойся, мойся. Причесывайся, причесывайся. А туфель нет.

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАНЫ

Ангел смерти	7
Изольда	118
Зеркало	255
Оставь надежду навсегда	417

РАССКАЗЫ

Сердце Марии	647
Эпилог	653
Дом на песке	664
Жасминовый остров	674
Румынка	687
Путаница	696
Елисейские Поля	708
Жизнь мадам Дюкло	730
Сухая солома	752
Счастье Улиты	761
У моря	770
Праздник	781
Valentine	792
Жасминовый остров. Из романа	803